

ЭРНЕСТ ДАНЛОП
СУИНТОН

ОБОРОНА
ДУРАЦКОГО БРОДА

Перевод: А. Норин

Редактура: Е. Норин

А что бы сделали вы?

Лейтенант Бэксайт Фортот¹ (для друзей просто БФ) должен во главе усиленного взвода из 50 человек удерживать Дурацкий Брод, единственную пригодную для колесного транспорта переправу через реку Силлиаасвогель². Вот он, шанс для лейтенанта, окончившего офицерские курсы и сдавшего все экзамены, покрыть себя славой!

«Сейчас, если б мне только поручили большое дело, – говорит БФ, – вроде битвы при Ватерлоо, или при Седане, или при Булл-Ран – я прекрасно знал бы, что делать, ведь я все это зазубрил...»

Хотя порученное БФ задание и кажется довольно простым, его противники-буры подкидывают одну проблему за другой; но вы, проницательный читатель, быстрый разумом и острый интеллектом, конечно же, догадаетесь, чем решится схватка, еще прежде, чем прозвучит первый выстрел.

КРАТКАЯ СПРАВКА (Англо-Бурская война)

Буры («фермеры» по-голландски) впервые заселили территорию нынешней Капской провинции (Южно-Африканская Республика), в 1652 году. После того, как в 1806 году Британская империя аннексировала эту территорию, многие буры покинули в ходе «Великого трека» эти места и создали свои государства – Республику Наталь, Свободное Оранжевое Государство и Трансвааль. Финансовые ограничения, создаваемые британцами, а также открытие месторождений золота и алмазов подпитывали враждебность между бурами и британцами, что вылилось в Южно-Африканскую, или Англо-Бурскую войну, длившуюся с 1899 по 1902 гг.

Изначально буры превосходили британцев численно, были хорошо оснащены и смогли одержать в прилегающих к их территориям районах впечатляющие победы. И хотя в конечном итоге буры были вынуждены сдаться, широкомасштабные и скоординированные партизанские действия сильно отсрочили победу британцев. В итоге они закончили войну, методично уничтожив бурские партизанские отряды, а боевые действия в мае 1902 прекратил Феринихингский мирный договор. Великобритания аннексировала бурские государства и восемь лет спустя преобразовала их в Южно-Африканский союз.

¹ Backsight Forethought. Если бы лейтенант родился в России, то, вероятно, носил бы фамилию Заднеумов-Крепкий (здесь и далее прим. переводчика)

² англ. и голл. «глупый стервятник»

ГЛОССАРИЙ:

БУРЫ – потомки голландских колонистов в Южной Африке

ВЕЛЬД – травянистая южноафриканская равнина

ВЕЛЬДКОРНЕТ – исторически в Южной Африке гражданский чиновник, наделенный военной властью, позднее – звание, аналогичное лейтенанту, в бурских армиях

ДОНГА – южноафриканское ущелье или овраг

КАФФИРЫ, или кафры – в 19 веке обозначение чернокожих племен в Южной Африке; в современном языке этот термин считается расистским и оскорбительным

КОПЬЕ – южноафриканский скалистый холм или сопка, обычно 200-800 м в высоту

КРААЛЬ – деревня южноафриканских аборигенов, обнесенная для защиты частоколом

КРЕСТ ВИКТОРИИ – высшая военная награда Великобритании

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Мы одни лишь виновны, виновны во всем,
Размышлять надо было заранее.
Миллионы причин неудачам найдем –
Но ни одного оправдания!*
Киплинг¹

Эта история, что явилась мне во сне, посвящается «золотой молодежи» и «диванным полководцам» британской нации, особенно самым юным, что только начинают свой путь. В ней собраны действительные воспоминания о том, что делалось – или не делалось – в Южной Африке в 1899-1902. Я надеюсь, что приданный повести фантастический флёр поможет подчеркнуть необходимость применять на практике некоторые старые принципы военного дела и продемонстрирует, что может произойти, даже в ходе небольшой операции, если их не применять. Как часто в минуты напряжения об этих принципах забывали, лишь тогда осозная, к каким ужасным последствиям это ведет, когда их являла сама жизнь. Если эта повесть, возбуждая воображение читателя, позволит в будущем предотвратить хотя бы один случай такого пренебрежения основами, значит, она написана не напрасно. Эти сны суть не предупреждение, а всего лишь ограниченное описание опыта, который мы получили в борьбе с конкретным противником в конкретной стране, и выведенные из этого заключения. Однако из них не сложно при необходимости вывести рекомендации, подходящие для другой страны и другого противника, использующего другие методы и другое оружие.

Бэксайт Фортот

ПРОЛОГ

Под вечер, после долгого и изматывающего перехода, я прибыл в Дримдорп². Местная атмосфера вкупе с обильным ужином привели к описываемому далее ночному кошмару, состоящему из цепочки сновидений. Для полного понимания необходимо уточнить, что хотя каждое из этих видений разыгрывалось в одних и тех же декорациях, в силу каких-то причуд моего мозга я совершенно ничего не помнил, и в каждом сне местность передо мной представляла совершенно незнакомой, а ситуацию приходилось оценивать с нуля. Таким образом, я был лишен того важного преимущества, которым располагает тот, кто действует в знакомых условиях. Одна, и только одна вещь переносилась из сна в сон – а именно живое воспоминание о полученных мною общих уроках. Они в конечном итоге привели меня к успеху.

Однако же, когда я проснулся, вся цепочка снов осталась в моей памяти связанной друг с другом.

¹ R. Kipling, «The Lesson», 1901

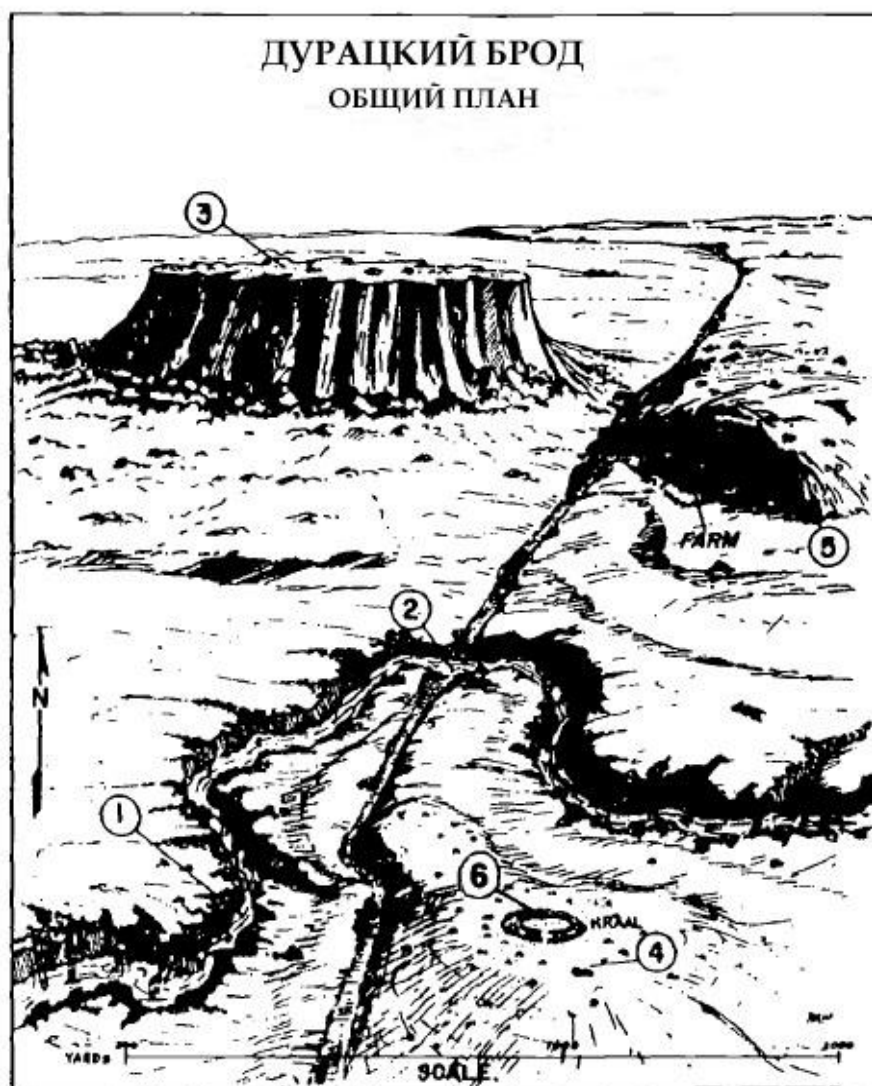
² англ. «деревня снов». Слово «dorp» (от голландского «деревня», африкаанс «деревня, городок») употребляется и в английском языке применительно к южно-африканским поселениям.

СОН ПЕРВЫЙ

«В яму залезть любой дурак сумеет» – китайская пословица.

«В покере не зарывайся, а в обороне – наоборот» – народная мудрость.

Стоя на берегу реки возле Дурацкого Брода, глядя на поднятые уходящей на юг далекой колонной красноватые клубы пыли, медленно превращающиеся в золотые под лучами послеполуденного солнца, чувствовал я себя одиноко и даже довольно уныло. Было только три часа дня, и вот он я, брошен нашими войсками на берегу реки Силлиаасвогель с отрядом из пятидесяти рядовых и унтер-офицеров и с приказом удержать брод. Это была важная переправа – единственная на несколько миль вверх и вниз по реке, по которой мог проехать колесный транспорт.

Карта 1

(1) РЕКА СИЛЛИААСВОГЕЛЬ	(2) БРОД
(3) ОБЛОМНАЯ ГОРА	(4) ОБЕРЕЖНЫЙ ХОЛМ
(5) ИНЦИДЕНТАМБА	(6) КРААЛЬ

Река в это время была мелководной, и ползла ленивым ручейком по самому дну своего русла меж крутых, почти вертикальных берегов, по всем прикидкам, для повозок слишком крутых на любом участке, кроме самого брода. Берега от края реки до вершины и на некоторое расстояние дальше были густо покрыты колючими растениями и кустами, создавая непроглядную полосу. Также берега были изрыты небольшими оврагами и ямами, которые намывала река, когда разливалась, и соответственно, были довольно неровными.

Где-то в двух километрах к северу от брода высилась скалистая столовая гора, а где-то в миле к северо-востоку находилась типичная для этих мест сопка – копье, покрытая кустами и усеянная булыжниками, крутая с южной стороны, но плавно спускающаяся с северной; с ближней стороны сопки располагалась ферма. Где-то в километре к югу от брода стоял выпуклый и ровный холм, напоминавший вывернутый наизнанку котлован, увенчанный редкими россыпями булыжников. На вершине располагался каффирский крааль, состоящий из нескольких глинобитных хижин с соломенными крышами. Между рекой и холмами на севере раскинулся открытый и практически ровный вельд; на южном берегу вельд был более холмистым, но столь же открытым. Вся местность была усеяна крупными термитниками.

Мне было приказано любой ценой удержать Дурацкий Брод. Скорее всего, в течение трех-четырех дней должна подойти колонна наших войск. Возможно, за это время меня атакуют, но это маловероятно, поскольку никаких сведений о том, чтобы на ближайшие сто миль был какой-то противник, не было. Сообщалось, что у буров есть пушки.

Дело казалось довольно ясным, хотя истинную суть последней части вводной я тогда еще не осознавал. Хотя меня и окружало полсотни достойнейших людей, я чувствовал себя несколько одиноко, словно меня бросили в этом безграничном вельде; но мысль о возможной схватке наполняла меня, как и, я был совершенно уверен, моих людей, боевым рвением. Наконец-то, шанс, о котором я столько мечтал! Это был мой первый «выход в свет», я впервые самостоятельно командовал подразделением, и твердо настроился довести дело до самого конца. Я был молод и неопытен, это правда, но я с отличием сдал все экзамены, мои отважные бойцы готовы продолжить традиции своего славного полка, и я знал, что они исполнят все, чего я только от них потребую. У нас к тому же был хороший запас патронов, провианта, а также заступы, лопаты, мешки с песком и тому подобное – которые, признаться, мне всучили едва ли не насильно.

Я оглядел наш отважный маленький отряд, и перед моим внутренним взором предстали картины безумной и кровавой битвы – стрельба до последнего патрона, очарование холодной стали штыков, в итоге – победа и... но тут сдержанное покашливание за спиной вернуло меня к реальности, напомнив, что главный сержант ожидает приказов.

Карта 2

После секундного размышления я решил разбить наш маленький лагерь сразу к югу от брода, поскольку там было небольшое возвышение, и как я знал, для лагеря, если только это возможно, следует выбирать именно возвышение. Более того, оно было довольно близко к броду, что также говорило в пользу этой позиции, ведь все знают, что если вам велено охранять нечто, вы как можно ближе к нему выставляете сторожевой пост и, по возможности, прямо на охраняемую точку ставите часового. Также, выбранное мной место с трех сторон окольцовывала «подковой» река, создавая тем самым своего рода ров

или, как это говорится в книгах, «естественное препятствие». Поистине, мне повезло, что в моем распоряжении оказалась столь идеальная позиция – хоть умри, не сыщешь лучше.

Я заключил, что так как на сотню миль вокруг противника нет, то нет и нужды до следующего дня приводить лагерь в состояние полной боевой готовности. Кроме того, людей вымотал долгий переход, и стоит дать им, не напрягаясь излишне, обустроить лагерь, аккуратно сложить все сваленные как попало припасы и инструменты и успеть поужинать до темноты.

Между нами говоря, от мысли, что оборонительные мероприятия можно отложить до завтра, я испытал большое облегчение, поскольку вопрос, а что же нужно делать, несколько ставил меня в тупик. Собственно, чем дольше я размышлял, тем озадаченнее становился. Единственное, что я тогда мог вспомнить о построении обороны, это как завязать простой кноп и сколько нужно времени, чтобы срубить яблоню шесть дюймов в диаметре. Увы, особо полезными в данной ситуации эти важные знания не выглядели. Сейчас, если б мне только поручили большое дело, вроде битвы при Ватерлоо, или при Седане, или при Булл-Ран – я прекрасно знал бы, что делать, ведь я все это зазубрил и сдал по ним экзамены. Я знал, как выбрать позицию для дивизии или даже армейского корпуса, но при этом – вот странность! – глупая маленькая лейтенантская игра в оборону переправы небольшим отрядом оказалась наиболее каверзной задачей. Я никогда по-настоящему не задумывался о таких материях. Впрочем, учитывая, как я наловчился управляться с армейскими корпусами, нет сомнений, что решить ее будет легче легкого, стоит лишь немного подумать.

Отдав все приказы по текущим задачам, я решил осмотреть близлежащую местность, но на мгновение задумался, в каком направлении пойти; лошади у меня не было, так что обойти все вокруг до темноты я бы никак не смог. Чутьочку поразмыслив, я сообразил, что конечно, пойти надо на север. Главные силы противника где-то на севере, значит, север – это мой фронт. Я, конечно же, знал, что у меня должен быть фронт, поскольку на всех схемах, которые я когда-то рисовал, и на всех экзаменах, которые сдавал, всегда был фронт – или «место, откуда появляется противник». И конечно, какого часового ни спроси, он обязан знать, где у него «фронт» и «район патрулирования». Итак, север – это мой фронт, восток и запад – фланги, где может быть противник, а юг – мой тыл, где противника, естественно, нет.

Решив, к собственному удовольствию, эту трудную проблему, я поплелся вперед, прихватив полевой бинокль и, конечно, мой «кодак». Путь мой лежал до ярко-белых стен маленькой голландской фермы, примостившейся под сопкой-«копье» на северо-востоке. Это была довольно уютная южноафриканская ферма, окруженная эвкалиптами и фруктовыми деревьями. Не дойдя до нее где-то четверть мили, я встретил хозяина, господина Андреаса Бринка, лояльного либо приведенного к покорности бурского фермера, и его сыновей, Пита и Герта. Бринк был очень милый человек, с приятным лицом и длинной бородой. Он упорно называл меня «капитаном», и я, чтобы не путать его лишний раз, подумал, что незачем его поправлять – тем более, мое производство в ротные командиры маячило не так уж и далеко. У этих троих был целый ворох помятых и запачканных «пропусков» от буквально каждого военно-полицейского начальника в

Южной Африке, каковые они принялись мне показывать. Я даже и не подумал спрашивать у них документы, и это произвело на меня впечатление; должно быть, решил я, эти люди пользуются здесь особым уважением, раз им выдали столько бумаг. Они проводили меня до фермы, где нас встретили замечательная жена Бринка и несколько его дочерей; они напоили меня молоком, что после долгой дороги в пыли было очень кстати. Все в этой семье либо говорили, либо понимали по-английски, так что у нас вышла хорошая дружеская беседа, в ходе которой я узнал, что вокруг на много миль нет никаких бурских командос и что вся семья сердечно надеется, что они и не появятся, что Бринк целиком и полностью верен Британии и был совершенно против войны, а в бурское ополчение его вместе с обоими сыновьями забрали когда-то насильно. Лояльность Бринков была очевидна, поскольку на стене висела олеография королевы, а одна из девочек, когда я вошел, как раз играла на фисгармонии наш государственный гимн.

Фермера и его сыновей очень заинтересовала моя экипировка, особенно новехонький, последнего образца полевой бинокль, который они с большим удовольствием испробовали, то и дело восклицая: «Allermachtig!»¹ Очевидно, он им очень понравился, а вот в моем «кодаке» они никакого толку на войне не видели, даже после того, как я сделал их семейное фото. Смешные, простые ребята! Они попросили и получили от меня разрешение продать в нашем лагере молоко, яйца и масло, и я двинулся своей дорогой, радуясь про себя, как замечательно повернулось дело и для меня, и для моих солдат, которые уже несколько недель такой роскоши даже и близко не видели.

Дальнейшая прогулка прошла без приключений. Я немного побродил по округе, а потом направил свои стопы обратно, в сторону тянущихся в безветренном воздухе вертикально вверх тонких голубых струек дыма, по которым легко можно было найти мой маленький аванпост, и безмятежность картины переполнила меня. Пейзаж купался в теплых прощальных лучах заходящего солнца, делавших многочисленные возвышенности еще контрастнее, и тишь надвигающегося вечера нарушало лишь далекое мычание волов да расплывчатые и веселые шумы, доносящиеся из лагеря – становящиеся громче по мере моего приближения. В приятном расположении духа я неспешно шагал и думал над теми довольно любопытно звучащими местными топонимами, которые мне назвал господин Бринк. Сопка над его фермой называлась Инцидентамба, столовая гора в двух милях к северу звалась Обломной горой, а плавно поднимающийся холм на южной стороне неподалеку от брода – Обережным холмом. Все было хорошо, когда я вернулся, мои люди как раз ужинали. Добрый голландец с апостольским лицом и долговязые Пит и Герт были уже здесь, окруженные толпой людей, которым по непомерным ценам сбывали свой товар. Троица бродила по лагерю, живо всем интересуясь и задавая умные вопросы о британских силах и общем положении дел. Было видно, что появление по соседству британского аванпоста принесло им большое облегчение. Они даже не обиделись, когда кто-то из наших грубиянов обозвал их «проклятыми голландцами» и отказался с ними общаться или покупать их «жратву». Перед наступлением темноты голландцы ушли, пообещав вернуться завтра со свежими припасами.

¹ южно-африканское междометие, дословно «Всемогущий!», выражающее широкий спектр эмоций, от удивления или тревоги до ужаса или досады. Часто используется писателями для речевой характеристики персонажей-африканеров.

Я выписал приказы на завтра – в частности, вырыть вокруг лагеря несколько траншей, занятие, которое, как я знал, мои люди как честные британские солдаты очень не любили и считали потогонкой – и направил двух часовых, одного у брода и второго чуть вниз по реке, обустроить наблюдательные посты на берегу.

Когда все отправились на боковую, и лагерь был почти безмолвен, было весьма приятно слышать каждые полчаса крики часовых: «Номер первый – все спокойно! Номер второй – все спокойно!» По этим крикам я мог понять, где они находятся, и знал, что они на посту. Около полуночи я обошел наблюдательные посты и был рад увидеть, что часовые бдительно несут службу и что, поскольку ночь стояла холодная, оба стража разложили по костру. Силуэт часового на фоне веселого пламени костра – ясно видимый всем вокруг символ того, что здесь, всегда начеку, стоит британский солдат. Четко обрисовав им задачи, указав, где их «фронт», докуда простирается их «район патрулирования» и т.п., я отправился спать. Зажженные часовыми костры, помимо удобства для них самих, оказались полезны и для меня, поскольку дважды в течение ночи выглянув на улицу, я мог, даже не покидая палатки, ясно видеть их на своих постах. Наконец, я заснул. Мне снилась орденская лента с Крестами Виктории и орденами «За выдающиеся заслуги» и красные генеральские петлицы.

Внезапно, когда предрассветное небо засерело, меня разбудил хриплый крик: «Стой, кто идет...», оборванный безошибочно узнающимся бабахом маузеровской винтовки. Прежде, чем я успел выскочить, хлопки «маузеров» загревели по всему лагерю, со всех сторон, перемешанные с чавканьем пуль, ударяющих в землю, свистом и треском свинцового града, рвущего палатки, и криками и столами людей, раненых, когда они лежали в палатках или запнулись и свалились, пытаясь выбраться. Это была адская какофония. Кто-то из моих людей беспорядочно стрелял в ответ, но через мгновение все было кончено, и когда я выполз из палатки, все вокруг уже кишело бородами мужчинами, стреляющими сквозь колышущуюся ткань. В эту секунду меня, видимо, ударило по голове, поскольку больше я ничего не видел, пока не пришел в себя, сидя на пустом ящике, рядом с одним из моих солдат, перевязывавшим мою сочащуюся кровью голову.

Мы потеряли 10 человек убитыми, включая обоих часовых, и 21 ранеными; у боров был один убитый и двое раненых.

Позднее, пока по требованию не злого, но очень неопрятного бурского командира я с тоской стягивал с себя модный крапчатый теплый жилет, связанный для меня сестрой, я заметил наших вчерашних друзей, ведущих с «бюргерами» оживленный и теплый разговор. У «папы», к моему удивлению, были винтовка и нагрудный патронташ – и мой новенький бинокль. Бринк смеялся, указывая на какую-то лежащую на земле вещь, которую он в конце концов пнул ногой. В ней, к своему ужасу, я узнал мой бедный фотоаппарат. Здесь, полагаю, мой разум куда-то поплыл, и я лишь шептал латинские строчки, любимое занятие когда-то в школе, но с тех пор давно забытое...

«Timeo Danaos et dona ferentes...»¹

...когда внезапно в мои мысли ворвался голос вельдкорнета: «И бриджи тоже снимайте, капитан».

Прошагав весь день, без носков и в чужих ботинках, я имел возможность подумать о многом помимо моей больной головы. Вид длинной, с пушками, колонны буров, сумевших так легко переправиться через брод, порученный моей охране, служил постоянным напоминанием о моем провале и моей ответственности за те ужасные потери, что понес мой бедный отряд. Я постепенно разузнал у буров то, о чем уже сам частично догадался, а именно, что их проводил к нашему лагерю мой друг Бринк; в темноте они подползли по кустам на берегу реки и окружили его и аккуратно подметили позиции наших двоих бедняг-часовых. Их буры моментально застрелили прежде, чем те подняли тревогу, и сквозь густой растительный покров с трех сторон рванулись в лагерь.

К вечеру боль в голове стала сильнее, и ее ритмичная пульсация как будто начала что-то значить. Каждый удар словно вколачивал в мой мозг один из уроков, которые я усвоил, размышляя над этим провалом:

- 1. Не откладывайте принятие оборонительных мер на завтра, так как это важнее, чем комфорт ваших людей или аккуратное обустройство лагеря. Выбирайте позицию для лагеря в первую очередь из оборонительных соображений.**
- 2. В военное время не позволяйте случайным людям вражеского племени шататься по всему вашему лагерю, как бы добры и угодливы они ни были, не позволяйте загипнотизировать себя многочисленными «пропусками» и не начинайте тут же им доверять.**
- 3. Не позволяйте часовым являть свою позицию всему миру, и врагу в том числе, стоя в ярком сиянии огня и крича на всю округу каждые полчаса.**
- 4. Если этого можно избежать, не стоит находиться в палатках, когда их рвут пули; в такое время одна лунка в земле стоит многих палаток.**

После того, как эти выводы вдолбились в мой ум миллионы и миллионы раз, так, что я ни за что не смог бы их забыть, случилась странная вещь – словно стеклышки в калейдоскопе переменились, и мне приснился другой сон.

¹ лат. «Я данайцев боюсь и дары приносящих» (Вергилий, «Энеида», пер. В. Брюсова)

СОН ВТОРОЙ

*«Что, должны они были, врага повстречав, научиться войне в один миг?
Сразу стать мастерами, Смерть вдали увидав – вы этого ждали от них?»*
Киплинг¹

И вновь я выброшен на берегу у Дурацкого Брода, с тем же приказом, что уже описал, и таким же отрядом, правда, состоящим из совершенно других людей. Как и раньше, и во всех последующих случаях, у меня было в достатке запасов, патронов и инструментов. Наше положение было в точности таким же, как в предыдущем сне, но в голове моей вертелись четыре выученных тогда урока.

Поэтому, едва получив приказ, я, не теряя времени на любование пейзажем, заходящим солнцем или отправляющейся колонной, которая выгрузила наши припасы и вскоре исчезла, принялся работать над планом обороны. Я твердо намеревался, насколько сумею, воплотить усвоенные уроки в жизнь.

Чтобы никакие чужаки, дружественные или нет, не пробрались на наши позиции и не разнюхали, какую искусную оборону я собираюсь выстроить, я тут же выставил два поста охранения, по одному унтер-офицеру и три солдата на каждом, один на вершине Обережного холма, а второй посреди вельда, где-то в километре к северу от брода. Им было приказано наблюдать за округой, поднимать тревогу при приближении любой группы людей (появление буров было, конечно, маловероятно, но все равно не исключено), а также не позволить никакому одиночке, дружественному или нет, приближаться к лагерю. В случае неповиновения следовало немедленно открыть огонь. Если визитер желал бы продать нам какие-то продукты, их следовало отправить с одним из часовых, который потом вернулся бы с деньгами, но допускать посторонних в лагерь было запрещено при любых условиях.

Организовав таким образом защиту от возможных шпионов, я принялся выбирать место для лагеря. Я выбрал то же место, что описывал в предыдущем сне, поскольку оно по тем же причинам казалось мне привлекательным. Если мы окопаемся, то похоже, лучшей позиции вокруг не найти. Как только я очертил симпатичный маленький квадрат, в котором разместится наш лагерь, мы начали окапываться. Хотя север, разумеется, был фронтом, я счел, что лучше всего будет создать для противника мощное препятствие, выстроив круговую оборону. Большинству солдат было приказано рыть траншеи, что им не слишком понравилось, а несколько человек я отрядил обустроить лагерь и приготовить ужин. Для того количества людей, что были в моем распоряжении, траншея оказалась довольно длинной, а земля вдобавок – твердой, так что мы смогли закончить только к темноте. Измотанные за этот тяжелый день солдаты смогли выкопать неглубокую траншею и соорудить довольно низкий бруствер. Но все же мы теперь были, как по учебнику, «окопаны», что было просто замечательно, и траншея окружала весь лагерь, так что мы отлично подготовились к вражеской атаке, даже если она произойдет ночью или рано утром, что очень вряд ли.

¹ R. Kipling, «The Islanders», 1902

Карта 3

За это время на наш северный аванпост вышла пара незнакомцев с фермы у подножия Инцидентамбы. Они хотели продать яйца, масло и прочее, что и было организовано в соответствии с моими распоряжениями. Солдат, который принес продукты, доложил, что старший голландец оказался замечательным человеком, просил передать его поклон, а также горшок масла и немного яиц в подарок, и спрашивал, не позволю ли я зайти в лагерь и побеседовать со мной. Но я был не такой дурак, чтобы пустить кого-то в свою крепость, и вместо этого, на случай, если у голландца есть какие-то ценные сведения, отправился к нему сам. Единственными его сведениями оказалось, что вокруг нет никаких буров. Голландец оказался пожилым человеком с целой коллекцией «пропусков», но я не дал ему себя загипнотизировать этими бумагами.

Однако, поскольку гость выглядел дружелюбным и, вероятно, лояльным, я немного прошелся с ним в сторону фермы, чтобы заодно осмотреться вокруг. Когда стемнело, мы выставили два сторожевых поста возле того объекта, который я должен был охранять, то есть брода, на тех же позициях, что и в предыдущем сне. Однако на этот раз не было ни криков каждые полчаса, ни костров, а часовые получили приказ не окликать, а стрелять в любого, кого заметят за пределами лагеря. Часовые располагались внизу на берегу реки, так, чтобы они могли вести наблюдение поверх берега и при этом не были открыты для чужих глаз.

Мы покончили с ужином, на закате погасили все костры, а с наступлением темноты скомандовали отбой – но спать устроились не в палатках, а в траншеях. Я обошел сторожевые посты, удостоверился, что наша ночевка организована как следует и что я не пренебрег никакими возможными мерами безопасности, и сам лег спать с чувством выполненного долга.

Прямо перед рассветом произошло практически то же, что и в первом сне. Только теперь увертюрой схватки прозвучал выстрел нашего часового по кому-то, ползущему через кусты, и ответом ему был открытый по нам со всех сторон огонь в упор. На этот раз мы не позволили взять себя моментальным натиском, но непрерывный град пуль хлестал со всех направлений, перед каждой траншеей, поверх бруствера и сквозь него. Стоило лишь поднять руку или высунуть голову, чтобы поймать сразу дюжину пуль – но, странное дело, мы никого не видели. Как печально заметил наш штатный острофлов, мы бы увидели кучу буров, «если бы нас не кусты между нами».

Я тщетно пытался дотянуть до рассвета, чтобы мы смогли разглядеть противника и нанести ему урон в ответ, но мы уже потеряли столько человек и положение выглядело настолько безнадежным, что мне пришлось выкинуть белый флаг. К этому моменту у нас было 24 убитых и шестеро раненых. Как только показался белый флаг, буры прекратили стрелять и поднялись; казалось, что за каждым кустом или термитником в радиусе ста метров прячется по буру. Близкое расстояние объясняло потрясающую точность их стрельбы и огромное соотношение наших убитых (почти все из которых были застрелены в голову) и раненых.

Пока мы приходили в себя и готовились к переходу, меня поразили несколько вещей. Одной из них было то, что голландец, ранее приславший мне в подарок масло и яйца, вел самую дружескую беседу с командиром буров, который с искренней любовью называл его «Оом»¹. Я также заметил, что здесь собрали всех мужчин-каффиров из ближайшего крааля и заставили их помочь перетащить повозки и пушки буров через брод, собрать нашу брошенную экипировку и вообще делать всяческую грязную работу. Эти самые каффиры выполняли свою работу с потрясающим рвением, и похоже было, что она им только в радость – никто не препирался, услышав приказ (обычно от нашего друга «Оома»).

¹ голл. «дядя».

И вновь я волок свои усталые, покрывшиеся волдырями ноги, вновь день казался вечностью, и вновь размышлял я над своим провалом. Все было очень странно: я сделал все, что знал, и все равно мы позорно угодили в плен, двадцать четыре человека погибли, а буры перешли брод. «Ах, БФ, мальчик мой, – думал я, – должно быть, кроме уже известных тебе уроков есть и другие, которые надлежит усвоить». Чтобы понять, что же я сделал не так, я принялся старательно обдумывать детали боя.

Бурам наверняка была известна наша позиция, но как им удалось приблизиться к нам в упор со всех сторон и не дать себя обнаружить? Какое гигантское преимущество они получили, разместившись для стрельбы за прибрежными кустами, где их было не увидеть, в то время как нам, чтобы высматривать противника, надо было выглядывать из-за бруствера – и именно там каждый бур нас и ждал. Похоже, в нашей позиции имелся некий изъян. И потому, что пули порой как будто пробивали бруствер навывлет, и потому, что пули с одной стороны били в спину людям, защищавшим противоположную. И вообще потому, что излучина реки, «естественное препятствие», оказалась скорее для нас самих препятствием, а не защитой.

В итоге в моей голове оформились следующие уроки – некоторые совершенно новые, другие же дополняли предыдущие:

5. С современными винтовками, чтобы удержать переправу или другой местный объект, не обязательно сидеть на нем верхом (как будто его могут взять и унести), если только эта позиция не подходит для обороны по чисто тактическим соображениям. Может оказаться куда полезнее перенести свои позиции на некоторое расстояние от этой точки, подальше от непросматриваемых участков местности, которые позволяют противнику скрытно и не обнаруживая себя подползти на очень короткую дистанцию и открыть огонь с маскирующей его позиции. Будет лучше по возможности заманить противника на открытое пространство, в то, что называется расчищенным сектором обстрела.

Бруствер или укрытие, которые пробиваются выстрелами и при этом заметны, не защищают от пуль, а только их притягивают. Действительную пулестойкость можно легко проверить на практике.

Когда противник обстреливает вас с близкого расстояния и практически со всех сторон, от низкого бруствера и неглубокой траншеи будет мало проку – пули, которые не поразят защитников с одной стороны, поразят тех, что находятся с другой.

6. Мало просто не подпускать чужаков из враждебного племени к вашим укреплениям и при этом позволить им пойти к своим друзьям и рассказать о вашем существовании и местонахождении – даже при том, что у них не должно возникать искушения поделиться этим знанием. Есть, как пишут в кулинарных книгах, «другой рецепт», позволяющий сэкономить жизни. Соберите и тепло встретьте достаточное количество чужаков. Нафаршируйте их сведениями о том, что через несколько часов к вам подойдет большое подкрепление; добавьте гарнир из подтверждающих это деталей; приправьте виски или табаком по вкусу. Придется

разориться на жирную и многословную ложь, зато вы обойдетесь без людских потерь.

7. Не дело позволять чернокожим лентяям¹ (даже если они нейтралы и братья) сидеть и ковыряться в зубах у себя в краале, пока усталые белые люди надрываются, пытаясь проделать большую работу за короткий срок. Христианский солдатский долг велит научить смуглого нейтрала достоинству труда и оставить его под стражей, чтобы он не пошел и не рассказал никому об этом.

Когда эти уроки, словно каленым железом, впечатались в мой мозг так, что забыть их не было ни малейшей возможности, произошло странное. Мне приснился новый сон.

¹ В позднейших редакциях этого авторского пассажа «чернокожие» и «смуглые» были заменены на просто «лентяев» и «нейтралов», а «белые люди» на «солдат». Такая лакировка, впрочем, не заслоняет того факта, что в дальнейшем повествовании главный герой, захватив среди местных жителей как голландцев, так и чернокожих, заставляет работать на себя исключительно последних.

СОН ТРЕТИЙ

Ведь наша любовь – это пушки, и пушки верны в боях!

Бросайте свои погремушки, не то разнесут в пух и прах – бабах!

Киплинг¹

Все тем же солнечным днем, в ровно таких же условиях, я стоял у Дурацкого Брода. Но теперь в моем мозгу циркулировали семь уроков вместо четырех.

Я немедленно выслал две группы, по одному унтер-офицеру и три солдата в каждой, на север и на юг, с приказом посетить все ближайшие фермы и краали и привести в наш лагерь всех здоровых мужчин и юношей-голландцев и всех мужчин-каффинов – если возможно, уговорив, если понадобится, заставив. Таким образом, новость о нашем прибытии не дойдет ни до каких бургских командос, которые могут быть поблизости, а заодно решится проблема рабочей силы. На вершине Обережного холма я приказал разместить небольшой наблюдательный пункт.

Я решил, что так как брод не может вскочить и убежать, то нет нужды разворачивать нашу позицию или сторожевые посты особо близко к нему, особенно если такая позиция рискует оказаться под обстрелом с близкого расстояния со стороны берега, подходы к которому плохо просматриваются и который служит отличным укрытием. Самым что ни на есть худшим решением представлялось расположиться внутри «подковы» речного русла, так как там противник смог бы практически нас окружить. Дальше на юг местность постепенно поднималась, и, соответственно, мой выбор пал на точку в 700-800 метрах к югу от брода, где я приказал вырыть траншею, обращенную примерно на север (фронт). Таким образом, перед нашим фронтом было где-то 800 метров открытого пространства. Как это заведено, мы начали рыть для 50 моих солдат траншею длиной где-то в 50 метров.

Некоторое время спустя вернулись наши дозорные, которые привели трех мужчин-голландцев и двух мальчишек, а также где-то тринадцать каффинов. Голландцы, главный из которых казался образованным и имеющим некоторый вес человеком, сперва запротестовали, когда мы выдали им инструменты и сказали выкопать для самих себя укрытие. Они показали мне пачку «пропусков», громогласно пообещали пожаловаться на нас генералу и даже направить запрос о наших «зверствах» в Палату общин. На мгновение я застыл в нерешительности, поскольку тут же представил, что может случиться с вашим бедным БФ, если какой-нибудь депутат от Верхнего Тутинга поднимет эту тему; но Вестминстер был далеко, и я скрепил сердце. Наконец, они смогли оценить тот аргумент, что это все-таки ради их же блага, поскольку иначе, если нас атакуют, они останутся в открытом вельде.

¹ Р. Киплинг, «Пушкари» (пер. И. Грингольца), 1890

Карта 4

Каффиры же явились долгожданной сменой для моих уставших людей. Они также вырыли в небольшой ложбине сбоку и позади нашей траншеи отдельный окоп для себя.

К вечеру у нас была весьма пристойная траншея – бруствер в верхней части имел толщину в 76 сантиметров и вполне, как я проверил на практике, держал пули. Наша траншея не вся была одной сплошной прямой линией, а ломалась под небольшим углом – я весьма коварно решил таким образом немного распределить наш огонь по сторонам. Но, разумеется, каждая половина траншеи была настолько прямой, насколько я мог добиться.

Диву даешься, каких усилий мне стоило заставить людей вырыть нормальную прямую траншею. Здесь я был весьма привередлив, поскольку слышал как-то о капитане, получившем строжайший выговор на учениях за то, что какой-то старший офицер счел его траншею «потерявшей равнение». Никто не мог гарантировать, что завтра какая-нибудь большая шишка не заявится нас проинспектировать, так что лучше было подготовиться ко всему.

К сумеркам я приказал сменить часовых на Обережном холме (там также вырыли окоп) и довести численность этого дозора до шести человек. После ужина я отдал приказы на следующий день и скомандовал отбой – прямо в траншее. Палатки мы не разбивали, так как устраиваться в них не собирались, и они лишь выдавали бы нашу позицию. Мы взяли наших пленников, точнее, «гостей», под стражу, предоставив к их услугам одного часового.

Прежде чем заснуть, я провертел в голове свои семь уроков, и, как мне показалось, ничего, что могло потребоваться для победы, я не упустил. Мы окопались, у нас хорошая защита от стрелкового оружия, продукты и боеприпасы под рукой, в траншее, и бутылки для воды заполнены. С чувством удовлетворения и мыслью о том, что я, как хороший послушный мальчик, все сделал правильно, я постепенно задремал.

Рассвет следующего утра был светел, но беден на события. Пока готовился завтрак, у нас было около часа, чтобы еще немного довести до ума траншею. Едва мы покончили с завтраком, дозорный на Обережном холме доложил о клубах пыли, показавшихся вдаль на севере, у Обломной горы. Пыль эту поднял большой отряд всадников, сопровождавших какой-то колесный транспорт. Это наверняка был противник, и похоже, они шагали в блаженном неведении насчет нашего присутствия у брода.

Ну что, подумал я, если они подойдут, ничего не подозревая, и всей кучей полезут через брод, не разглядев нашей позиции, то мы «сорвем банк». Сейчас я затаюсь, позволю передовому отряду пройти без стрельбы, дождусь, пока главные силы подойдут на близкое расстояние, и тут мы разрядим магазины в самую их массу. Да, лишь когда они будут у этого разрушенного термитника в 400 метрах от нас, я скомандую «огонь!»

Однако вышло не по-моему. Через некоторое время противник остановился, очевидно, чтобы поразмыслить. Люди из авангарда явно что-то обсуждали, а затем с большой осторожностью постепенно выдвинулись к ферме у Инцидентамбы. Оттуда выбежали и принялись махать две или три женщины, к которым эти люди тут же поскакали. Что там произошло, конечно, мы слышать не могли, но можно было догадаться, что женщины рассказали о нашем приходе и нашей позиции, поскольку эффект это произвело поистине электрический. Передовой отряд буров разделился надвое, одни поскакали в сторону реки далеко на восток, другие таким же образом на запад. Один человек устремился с добытыми сведениями к основным силам, которые тут же всполошились и направились со своими телегами за Инцидентамбу, где пропали из видимости. Разумеется, все они были за пределами нашей дальноточности, и нам

оставалось только сидеть в полной готовности, ждать, пока враги войдут в открытую зону нашего огня, и тогда всех их положить.

Неторопливо ползли минуты – пять, потом десять, и ни следа противника. Вдруг я услышал: «Прошу прощения, сэр, я кажется что-то заметил на вершине во-он того копье». Солдат указал мне на несколько пятнышек, похоже, телег, перемещающихся по гладкому склону Инцидентамбы. Пока я наводил бинокль на резкость, с холма раздался «бум», за которым последовал резкий звук разрыва и дым, взметнувшийся в воздух довольно близко от нас, а затем метрах в шестидесяти спереди от траншеи словно забарабанил ливень, и каждая его капля взметала маленькое облако пыли. Тут, конечно, было самое время ввернуть какую-нибудь подходящую к случаю цитату, вроде «Пушка! Они заряжают пушку!» или «А нам плевать, что начали стрелять!», но как-то не очень хотелось. Я был в ужасе. Я совершенно забыл, что против нас могут применить пушки, хотя, вспомни я заранее об их существовании, даже не знаю, какие другие оборонительные меры я мог бы принять с моими тогдашними знаниями. Среди моих людей начало распространяться некоторое беспокойство, и я веселым тоном, рассчитывая на безопасность нашей замечательной траншеи с толстым пуленепробиваемым бруствером, окрикнул их: «Все в порядке, парни, не высовывайтесь, и они не смогут нас достать!» Секунду спустя раздался второй «бум», над нашими головами просвистел снаряд и испещрил шрапнельными пулями склон немного позади траншеи.

К этому времени мы припали к земле как можно ближе к брустверу, который еще недавно выглядел таким ко всему готовым, а теперь, когда эти дьявольские снаряды рассыпают с неба свои пули, он вдруг стал прискорбно бесполезен. Снова бум. На этот раз снаряд разорвался точно, всю землю перед траншеей усеяла шрапнель, а одного человека ранило. В этот момент на Обережном холме началась стрельба, но в нашу сторону ни одна пуля не летела. Почти тут же последовал новый выстрел, обрушив металлический град прямо нам на головы; еще несколько человек ранило, и их стоны больно было слышать. Солдаты схватили инструменты и судорожно пытались поглубже зарыться в твердую землю, поскольку сейчас наша траншея защищала от сыплющейся сверху шрапнели не лучше, чем чайное блюдце защищало бы от проливного дождя – но было слишком поздно. Мы не могли углубить траншею с достаточной скоростью. Буры хорошо пристрелялись по траншее, и теперь снаряды рвались над нами с ужасающей методичностью. Еще несколько человек ранено, и нет ни одной причины, почему противник вдруг перестанет поливать нас шрапнелью, пока всех не перебьет. Мы были абсолютно бессильны что-либо сделать, и я поднял белый флаг. Все, что мне оставалось, это благодарить Провидение за то, что у врага нет скорострельных пушек, иначе, хоть нам и «плевать, что начали стрелять», нас бы размазали прежде, чем я бы успел его вывесить.

Когда артиллерийский огонь прекратился, я с удивлением обнаружил, что буры не торопятся спуститься с Инцидентамбы и принять нашу сдачу, но три минуты спустя около полусотни конных буров подъехали к нам со стороны берега с востока и запада, и еще несколько подошли с юга, обогнув Обережный холм. Отряд на Обережном холме, как оказалось, сумел нанести противнику некоторый урон, сами потеряв от винтовочного огня двух человек ранеными. В их сторону не ударил ни один снаряд, хотя они стояли рядом с каффирскими хижинами, которые были довольно приметны.

Каким разочарованием оказалась реальность по сравнению со сладостными утренними мечтаниями, когда я только увидел буров!

Разумеется, женщины с фермы нас выдали, но сложно было сообразить, отчего же буры остановились и что-то заподозрили еще прежде, чем дошли до фермы и поговорили с ними. Что они такое могли обнаружить? Эту загадку я никак не мог разрешить.

Пока мы шагали в плен, в моем сознании медленно раскрутились и улеглись в памяти следующие уроки в дополнение к уже известным:

8. Когда вы забираете к себе чужака и его сыновей, чтобы они не рассказали врагу о вашем существовании и местонахождении, то, если вам хочется преподнести врагу сюрприз, не забудьте также прихватить жену и дочерей, слугу и служанку (у которых также есть языки), и вола его, и осла его (поскольку они могут послужить противнику). Конечно, если их слишком много или они слишком далеко, это невозможно, но тогда и не рассчитывайте застать врага врасплох.

9. Не забудьте, что если против вас применяют пушки, неглубокая траншея и низкий бруствер будут хуже, чем бесполезны, будь он хоть десять раз пуленепробиваемым. Такая траншея дает артиллеристам ориентир, чтобы прицелиться, и не защищает от шрапнели. Против точно наведенного артиллерийского огня будет лучше рассредоточить защитников по открытому пространству, спрятав их в траве и кустах, или за камнями и термитниками, чем тесниться в траншее. Если ваши люди рассредоточились по округе, пусть противник хоть до краев наполняет траншею шрапнелью.

10. Хотя для того, чтобы остановить шрапнельную пулю, нужен не такой толстый слой земли, как для винтовочной пули, эта земля еще должна быть в нужном месте. Чтобы защититься, нужно иметь возможность укрыться как можно лучше. Если траншея будет настолько узкой, насколько возможно, а стенки и внутренняя часть бруствера – настолько крутыми, насколько он сможет держаться, у вас будут наилучшие шансы. Еще лучше будет углубить дно траншеи по краям, а открытую верхнюю часть сделать уже. Чем сильнее открытый верх траншеи похож на узкую щелку в земле, тем меньше шрапнельных пуль попадет внутрь.

И пока я обмозговывал эти выученные на горьком опыте уроки, мне в который уж раз приснился новый сон.

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

*О если бы кто-то сумел навязать нам
Взглянуть на себя не своими глазами,
Тот сразу бы спас нас от столько ошибок и глупых идей...*
Бёрнс¹

И опять должен я был решать всю ту же задачу, и десять уроков были мне в помощь. Я начал с того, что выслал такие же дозорные отряды, как в предыдущем сне, но с несколько иным приказом. Они должны были привести в наш лагерь всех людей, каких отыщут, а весь скот, который мог попасть в руки противника, пристрелить, поскольку нам его держать было негде.

Для своей оборонительной позиции я выбрал то же место, что и в предыдущем сне, поскольку оно по уже названным причинам казалось весьма подходящим. Так что мы вырыли траншею, схожую с уже описанной, но, поскольку я опасался, что против нас могут применить пушки, внутренняя структура была иной. Траншея была направлена общим фронтом к северу, слегка изламываясь в северном направлении, каждая же половина была в целом прямой. Если же посмотреть на нее в разрезе, то глубина траншеи составляла около метра, а перед ней – бруствер высотой около 30 сантиметров; мы сделали верх траншеи настолько узким, насколько это было возможно, не сковывая перемещений. Каждый человек углубил нижнюю часть на своем участке траншеи так, чтобы он смог там поместиться, и доработал свою часть бруствера, чтобы она подходила ему по высоте. Бруствер с крутой внутренней стороной мы укрепили кусками разломанного термитника, твердыми как камень; толщина в верхней части составила около 76 сантиметров.

Дозорные вскоре приволокли к нам нескольких мужчин, женщин и детей. Женщины ударились в совершенно бестолковую перебранку с солдатами, отказывались подчиняться приказам и вообще принимали все происходящее куда менее стоически, чем их мужчины. Это показалось мне подходящей возможностью блеснуть тем, чему я научился во время краткой подготовки, когда служил адъютантом. Я постарался вести себя с дамами предельно тактично и обходительно, повторяя единственные слова утешения, которые знал по-голландски: «Wacht een beetje» – «Al zal rech kom»², но без толку. Их, похоже, вообще не учили ценить хорошее обхождение. Я с сожалением повернулся к главному сержанту, по-командирски подмигнул и, увидев, как он уважительно повел веком в ответ, громко спросил:

- Главный сержант?

- Да, сэр?

- Каким, на твой взгляд, способом лучше всего можно поджечь ферму?

- Ну, сэр, кто-то предпочитает начать с усыпанной соломой кровати, а мне кажется, если ту пианину в углу полить керосином, тоже отлично выйдет.

¹ Р. Бёрнс, «Ко вши, замеченной на шляпке знатной женщины в церкви» (пер. А.Э. Петросяна), 1786

² искаж. голл. «Подождите немного, все будет в порядке» - известный бурский лозунг, впервые в виде «Все будет в порядке, если каждый выполнит свой долг» высказанный президентом Свободного Оранжевого государства Йоханнесом Брандом и позднее повторенный президентом Южно-Африканской республики (Трансвааль) Паулем Крюгером.

Карта 5

Больше ничего не понадобилось: такое обхождение дамы вполне поняли и проблем в дальнейшем не доставляли.

Голландцев и каффилов тут же отрядили копать укрытия для себя, женщин и детей. Последних мы собрали вместе и поместили в небольшой ложбине недалеко от траншеи – детей следовало было разместить в действительно глубоком укрытии, во-первых, чтобы они были в безопасности, а во-вторых, чтобы они не принялись махать и привлекать внимание противника. Оказавшаяся очень кстати ложбина сэкономила нам массу усилий, поскольку ее потребовалось только немного углубить и придать подходящую форму.

Все копали с большой охотой, и к ночи укрытия для женщин и детей, для пленников-мужчин, траншея для солдат были практически готовы. Сторожевые посты и часовых я расставил так же, как в предыдущем сне и, убедившись, что все сделано как надо (и что женщинам предоставили тенты и одеяла, чтобы укрыться), я с заслуженным ощущением безопасности отправился спать.

С рассветом, поскольку никаких признаков врага поблизости не было, мы продолжили доводить траншею до ума, изменяя по необходимости глубину и внутреннее устройство так, чтобы каждому из солдат она подходила по росту. В итоге у нас получилась отличная аккуратная траншея – «словно маминой рукой сделанная». Как заметил один из призванных из запаса бойцов, глядя на свежую красную землю посреди желтого вельда, сюда бы еще бордюрчик из устричных раковин или бутылок из-под имбирного пива, и будет точь-в-точь как маленькая грядка брокколи у него дома. За этими важными разговорами и завтраком пролетела пара часов, когда, точно так же, как в предыдущем сне, мне сообщили о приближающейся с севера колонне. Она продвигалась таким же образом, но только ее, конечно же, никто у фермы не встретил. Ах, какой же я молодец, подумал я и улыбнулся сидящим в яме голландкам – которые в ответ злобно на меня посмотрели и даже (ш-ш-ш!) плюнули!

Передовой отряд противника приблизился, осторожно глядя вокруг и крадучись двигаясь к ферме. Похоже, они ничего не подозревали, и я задумался, не удивить ли их, не догадывающихся о нашем присутствии, залпом в упор, а затем разрядить магазины в самую толпу – но тут вдруг один человек остановился, а остальные его окружили. Они в это время были где-то в 1800 метрах от нас, примерно возле края Инцидентамбы. Они явно что-то заметили и почуяли опасность, поскольку между ними произошло короткое совещание с жестикуляцией. После этого один человек поскакал к главным силам, которые со своими фургонами и прочим ушли за Инцидентамбу. Несколько человек, включая одного на белом коне, двинулись в непонятном направлении на запад – цель этого маневра я разобрать не мог. С собой они, кажется, захватили какую-то повозку. Передовой отряд разделился так же, как я уже описывал. Все они по-прежнему были на большом расстоянии, и нам оставалось только ждать.

Очень скоро с вершины Инцидентамбы раздался пушечный «бум», и неподалеку от нас разорвался шрапнельный снаряд. За ним последовали второй и третий, после чего буры пристрелялись и снаряды начали рваться прямо над нами; мы, однако, уютно устроились, прижавшись к земле, в своей чудесной глубокой траншее. Мои солдаты были в бодром расположении духа, и бесполезная растрата врагом ценных шрапнельных снарядов их немало повеселила. Как заметил один солдат, «хорошо сидим, как тараканы в щелке». Расстреляв множество снарядов, противник достиг лишь того, что двоих ранило в ноги.

Спустя некоторое время пушки прекратили стрелять, и мы тут же заняли позиции за бруствером, готовые отразить атаку – но не увидели ни одного бура, хотя в воздухе тотчас засвистели пули. Почти все они, видимо, были выпущены со стороны берега, с севера и северо-востока – и их непрерывные попадания в бруствер поднимали нескончаемые клубы пыли. Все, что нам оставалось – это стрелять на слух по разным

кустам на берегу, что мы и делали с максимальным усердием, но без видимых результатов.

Где-то через четверть часа наши потери составили пять человек, которым попали в голову, самую открытую часть. Высунуть голову из-за бруствера оказалось смертельно опасно, как это было и в тот раз, когда мы пытались стрелять с близкого расстояния по замаскированному противнику. Я видел, как двое бедолаг пытались соорудить жалкое подобие картонного домика из камней и кусков термитника и стрелять оттуда. Конструкция бросалась в глаза не хуже, чем если бы на бруствере торчала дымовая труба, и выстрелы буров стерли ее в порошок прежде, чем солдаты успели хоть что-то сделать – но до того я еще успел, взглянув на нее, сообразить, чем именно мы могли бы поправить ситуацию. Конечно же, на такой случай нам нужны были покрытые бойницы – и как всегда, я оказался крепок задним умом, поскольку теперь, даже не будь мы заняты стрельбой, соорудить их не было никакой возможности. Неожиданно шум выстрелов стал заметно интенсивнее, но среди всего чавканья пуль, врезающихся в землю вокруг нас, нелегко было определить, с какого направления началась эта новая стрельба. К этому времени мои люди все чаще и чаще начали падать, бросая стрельбу, и мне приходилось кричать на них, чтобы не сбавляли огня – и тут я заметил, как пуля ударила в нашу сторону бруствера.

Все стало ясно. Враг, очевидно, пробрался по глубокой лощине-донга у нас за спиной – на которую я не обращал внимания, поскольку она была в тылу – и теперь палил нам, стоящим у бруствера, в затылок.

Должно быть, подумал я, это и называется «ударить в тыл». И так оно и было.

Пока я разобрался, что происходит, буры положили еще дюжину человек. Я приказал всем укрыться и высовываться только на секунду, чтобы выстрелить вперед или назад – но с атакующими с тыла мы могли сделать не больше, чем с фронта. Все было то же самое – мы не видели ни одного бура. В этот момент двое наших солдат с Обережного холма кинулись бегом к нашей траншее, а буры открыли по ним ураганный огонь, и пули взметали на их пути один столбик пыли за другим. Одного беднягу расстреляли, но второй сумел добежать до нашей траншеи и рухнуть вниз. Он тоже был тяжело ранен, но сумел собрать силы и сообщить, что кроме него и солдата, что бежал рядом, весь гарнизон Обережного холма убит или ранен, и буры постепенно движутся к вершине. Счастье-то какое.

Теперь огонь был таким плотным, что головы нельзя было поднять над землей, чтобы не схватить пулю. Прижавшись к земле и даже не пытаясь целиться, но лишь высовывая винтовку через край траншеи, чтобы выстрелить, мы короткое время обходились без потерь. Но передышка долго не продлилась, и вдруг солдаты в правой половине траншеи непостижимым образом стали валиться наземь, хотя они были хорошо защищены и никуда не высовывались. Мало-помалу я обнаружил причину. Несколько снайперов забрались на вершину Обережного холма и теперь стреляли вниз, прямо по правой половине нашей траншеи. Пули щелкали чаще и чаще, так что число стрелков явно росло.

А это, подумал я, должно быть то, что называется «продольным огнем с фланга»¹. И так оно и было.

Без малейшего приказа, на чистом инстинкте мы все бросили правую половину траншеи и сгрудились в левой, которая, к нашему большому счастью, не могла быть обстреляна продольным огнем ни откуда бы то ни было с южной стороны реки, ни с севера благодаря рельефу местности – если продлить эту линию, то в вельде на северном берегу еще километра на три не было позиции выше нашей, а это превосходило дальноточность вражеских винтовок.

Хоть мы и сгрудились там, беспомощные, словно крысы в ловушке, но немного утешала та мысль, что противнику нечего с нами сделать, кроме как броситься врукопашную. Мы примкнули штыки и мрачно ждали. Если буры нападут, то у нас штыки есть, а у них нет, и в этой свалке мы дорого продадим свои жизни.

Увы! Я снова был обманут. Холодной стали шанса не представилось – вместо этого мы слышали далеко вдаль, в вельде к северу, будто кто-то барабанит по жестяному подносу, и стайка маленьких снарядов впиалась в землю неподалеку от траншеи; два из них при этом разорвались. За пределами дальноточности винтовок, там, посреди открытого вельда на севере я увидел отряд буров, белого коня и машину на колесах... И тогда я все понял. Но как они умудрились так точно выбрать позицию, чтобы накрыть нашу траншею продольным огнем, еще до того, как вообще узнали, где мы?

«Пом-пом-пом-пом-пом-пом!» – раздавалось вновь и вновь, и маленькие стальные дьяволы пропахали прямо по нашей, обернувшейся ловушкой, траншее, покалечив семерых. Я с проницательностью мастера оценил наше положение: теперь мы оказались под продольным огнем с обоих флангов. Но знание это явилось слишком поздно и не могло уже нам помочь, потому что:

«Мы беззащитны, капитан.
По нам, как в тире, бьют.
И остается лишь одно:
Безропотно идти на дно
Под вражеский салют»²

Это была последняя капля; нам ничего не осталось, кроме как сдаться или быть уничтоженными с большого расстояния. Я сдался.

¹ Продольный, или анфиладный огонь – огонь, при котором выстрелы направлены параллельно фронту противника.

² Р. Киплинг, «Баллада о «Громобое» (пер. И. Болычева), 1890. В оригинале цитируемые Суинтоном строки выглядят как «We lay bare as the paunch of the purser's sow, To the hail of the *Nordenfeldt*». «Норденфельдт» - производитель вооружения, позднее поглощенный компанией Максима и преобразованный в «Максим-Норденфельдт». В частности, производил первую в своем классе 37-мм автоматическую пушку QF 1-pounder, за характерный звук выстрелов получившую прозвище «помпом». Изначально британское правительство отвергло эти орудия, но после того, как их закупили буры и с успехом начали применять «помпомы» против британцев, переменило свое мнение. Очевидно, та машинерия, которую разглядел БФ, была именно такой пушкой.

Буры, как обычно, выскочили со всех сторон. Мы продержались три часа и потеряли 25 человек убитыми и 17 ранеными. Из них только семеро были поражены шрапнелью и фронтальным винтовочным огнем. Все остальные были убиты или ранены с флангов, где врага должно было быть мало, или с тыла, где его вообще не должно было быть! Этот факт убедил меня в том, что сложившееся изначально представление о фронте и его опасности в сравнении с другими сторонами света нуждается в серьезной корректировке. Все идеи, за которые я так держался, были безжалостно сметены, и я погрузился в море сомнений, силясь нащупать хоть что-то определенное, за что можно уцепиться. Мог ли Лонгфелло, когда писал бессмертные строки о том, что «есть тайный смысл всему», очутиться в таком же, как я, положении?

Разумеется, наш полный разгром привел выживших в некоторое уныние – ведь всё у нас в «щелке» так хорошо начиналось. Говорили они об этом по-разному. Так, один солдат сказал пытающемуся перевязать раненое ухо тряпкой капралу: «Ну и дрянь же этот продольный обстрел, скажу я вам. Никогда не угадаешь, откуда тебе влепит. Допекли просто». На что тот угрюмо ответил: «Продольный? Ну естественно, нас накрыли продольным. Эту траншею надо было вырыть немножко волнистой, и тогда было бы хоть как-то получше. Да, волнистой – вот как надо было!» Тут влез третий: «Да, и придумать что-нибудь, чтобы эти гады не гвоздили нам в спину, тоже было бы неплохо».

Да, сколько же было материй на земле, которых я и не касался в своих философствованиях!

Пока мы под конвоем отряда буров шагали на север, мою душу терзало множество мыслей, но одного я никак не мог понять: почему мы не застали врага врасплох? Ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни каффиров – не было никого, кто знал о нашем появлении и мог бы предупредить буров. Как они так быстро обнаружили наше присутствие – ведь явно обнаружили, когда остановились и начали совещаться тогда утром. Лишь когда мы проходили мимо Инцидентамбы, мне случилось обернуться, и, увидев обстановку со стороны противника, я обнаружил, как просто открывался ларчик. Там, на ровном желтом склоне, прямо к югу от брода, виднелась коричневато-красная полоса, такая же заметная, как «Великан из Уилмингтона»¹ в старом добром Сассексе, словно кричащая: «Эй, британские позиции здесь, не пропустите!» Я представил, как торчу в этой траншее, всем видимый, словно цирковой силач на афише, и надеюсь еще кого-то застать врасплох, и горестно усмехнулся.

Помимо того, что нас обстреливали продольным огнем и ударили в тыл, мы опять оказались в уязвимом положении по сравнению с укрытым от глаз и стреляющим с близкого расстояния противником, поскольку для того, чтобы выстрелить, нам надо было появляться в определенном месте.

В итоге я сделал следующие выводы:

¹ «Long Man of Wilmington» - старинная меловая фигура, 72 м в высоту, изображенная на Виндоверском холме в Восточном Сассексе в Англии.

11. Когда маленький изолированный аванпост обороняется от активного противника, нет ни флангов, ни тыла, или, иначе говоря, фронт у него со всех сторон.

12. Берегитесь удара с тыла; когда размещаете и обустраиваете оборону, позаботьтесь о том, чтобы, пока вы перестреливаетесь с врагом перед траншеей, его дружок не подкрался и не выстрелил бы сзади.

13. Берегитесь продольного огня. Это крайне неприятно и с одного фланга – и гораздо хуже с обоих.

Помните также, что даже если вы развернете позицию так, чтобы вас не могли обстрелять продольным огнем из винтовок, вы можете быть уязвимы для него с дальнего расстояния, из пушек или «помпов». Мало найдется прямых траншей, которые нельзя было бы накрыть продольным огнем хоть с какой-нибудь позиции, стоит лишь противнику туда добраться. Иногда этого можно избежать, разместив траншею так, чтобы никто не мог попасть на продолжающую ее линию и обстрелять сверху, или можно много раз «выгнуть» траншею, чтобы она не была прямой, или соорудить траверсы, или вырыть отдельные окопы для каждого двух-трех человек.

14. Не размещайте траншею возле высоты, за которой вы не можете наблюдать, и которую не можете удержать.

15. Не набивайте всех солдат в одну маленькую траншею, как сельдей в бочку. Дайте им воздуха.

16. Как и прежде – укрыться от глаз часто ценнее, чем укрыться от пуль.

При стрельбе с близкого расстояния из незамаскированной траншеи покрытые бойницы дают преимущество. Покрытие должно быть пуленепробиваемым и не должно торчать, бросаясь в глаза, над бруствером, притягивая таким образом огонь, иначе будет только еще опаснее.

17. Застать врага врасплох – значит, получить большое преимущество.

18. Если вы хотите получить это преимущество, замаскируйте позицию. Хвастаться своей позицией хорошо на светском ужине, а не в обороне.

19. Чтобы определить, замаскирована или нет ваша позиция, осмотрите ее с точки зрения противника.

СОН ПЯТЫЙ

*«Несчастье это – мелочь и пустяк
В сравнении с уже тебя постигшим».*
Драйден¹

*«Шагая в ночи по долине к холму,
Мороз прошептал: «Путь такой я возьму,
Чтоб было меня не видеть никому,
Пока я не скроюсь вдали».*
Гульд²

И снова я приступил к той же задаче, со свежим умом и свежими надеждами, и все, что осталось при мне от предыдущих попыток – это девятнадцать уроков.

Отрядив описанным уже образом отряд на Обережный холм и два дозора, я, пока солдаты разбирали припасы и прочее, потратил минут двадцать на то, чтобы пройтись вокруг и, в свете полученных мной уроков, выбрать позицию, которую мы займем.

Я пришел к заключению, что глупо стоять возле вершины холма и при этом не на самой вершине. Да, я разобью лагерь на вершине Обережного холма, где надо мной на расстоянии винтовочного огня не будет возвышаться ни одна точка, и который, как я мыслю, будет «командной высотой». Я не вполне понимал, что значит «командная», но знал, что это важно – ведь так написано в учебнике, да и на всех маневрах, в которых я участвовал, и на всех тактических схемах, что я видел, «оборона» всегда размещалась на вершине холма или горного кряжа. Задача совершенно ясна: Обережный холм выглядит единственной позицией, которая бы не противоречила моим девятнадцати урокам, значит, нам туда дорога. Когда я остановился возле одной из хижин, мне прямо через горб холма открылся великолепный вид на брод и южный подход к нему, и я мог хорошо обозревать реку далеко на восток и запад. Сперва я думал, не поносить ли глинобитные хижины, из которых, помимо пустых жестянок из-под керосина и куч костей и мусора, состоял каффирский крааль; но, поразмыслив, я решил, что проявлю хитрость, а этот самый невинно выглядящий крааль очень даже поможет мне замаскировать мои укрепления. Я разработал детальный план, мы быстро перенесли на вершину холма свои запасы и принялись за работу.

После того, как дозоры вернулись с пленниками, мы заставили голландцев выкопать укрытия для них самих и их женщин, а каффиров из крааля быстро убедили помочь нам с работой.

¹ J. Dryden, «Cleomenes», 1692

² H. Gould, «Jack Frost»

Карта 6

Планировка была следующей: вокруг хижин на холме и вблизи от них мы вырыли около десятка коротких и глубоких траншей для ведения огня, каждая из которых была изогнутой и могла вместить до пяти человек. У них были очень низкие брустверы, служащие исключительно упором для винтовок; часть выкопанной земли была насыпана за траншеями, сантиметров на тридцать в высоту, а с оставшейся землей поступили так, как будет описано ниже. На большей части брустверов мы проделали выемки, чтобы вести огонь на уровне земли, сами же брустверы были лишь такой высоты, чтобы защитить голову. Поскольку головы солдат сливались с фоном и не были по-настоящему заметны, не было нужды оборудовать настоящие бойницы, что потребовало бы еще и

использования новых мешков с песком, а они были бы довольно видны и трудно маскируемы. Когда солдаты в этих окопах будут стрелять, их головы будут лишь чуть выше уровня земли. После того, как работа над траншеями для стрельбы вовсю пошла, началась отрывка и ходов сообщения. Они должны были быть узкими и глубокими и соединять каждую траншею с соседней, а также вести назад к четырем хижинам, в которых были устроены замаскированные огневые позиции. Прямо внутри каждой из хижин сооружалось укрепление из земли, которой у нас было в избытке, мешков с песком, кусков термитника, камней и прочего, высотой около 1,4 метра и толщиной около 76 сантиметров, поверх которого можно было стрелять стоя; в стенах хижины проделывались бойницы, которые оказывались практически незаметными. Из каждой хижины могли вести огонь трое. Я решил в трех хижинах поставить своих лучших стрелков в качестве снайперов, дав им лучшую позицию, чем у солдат внизу в траншеях, а четвертую сделал «боевой рубкой» для себя самого. Все палатки и имущество было собрано в отдельной хижине, подальше от чужих глаз.

К вечеру, хотя работа была трудна, и люди много ворчали, мы смогли завершить стрелковые траншеи, но остальное закончено не было – удалось выкопать лишь на половину от нужной глубины. Земляные стены внутри хижин также не были закончены. Для каффиоров и голландцев готовы глубокие ямы в трех хижинах. Последним, что мы сделали перед отбоем, было распределить по траншеям боеприпасы и пайки. Я также приказал наполнить и распределить все бутылки и любые емкости, в которых можно держать воду, включая пустые жестянки, котелки и каффирские долбленные сосуды, на случай долгого и затяжного боя. Разъяснив всем, как важно соблюдать строжайшую маскировку, чтобы не выдать нашу позицию, если завтра с утра вдруг объявятся буры, я с уверенностью в душе лег спать. Так или иначе, у нас очень хорошая позиция, и пусть ее оборудование не завершено, это можно будет наутро исправить, если только у нас будет время.

Рассвело; ни следа врага. Это было просто здорово, и мы принялись вкалывать, завершая недоделанную работу. К этому моменту подчиненные целиком прониклись моим замыслом, и им не терпелось, если получится, преподнести братцу буру сюрприз. Пока они копали, за четырьмя травяными ширмами, которые мы нашли, варился в котелках завтрак – таким образом, над краалем виднелся лишь вполне естественный дымок. Я выбрал пару самых толковых унтер-офицеров и приказал им спуститься, пройтись в разных направлениях вдоль реки и посмотреть, смогут ли они разглядеть головы кого-то из солдат в стрелковых траншеях на фоне неба; если да, то кучи земли, травы, мусора и прочего следовало переделать, чтобы они послужили фоном для солдатских голов.

Чтобы оценить всё в целом, мы с моим ординарцем прошагали полмили к северу от реки. Пройдя некоторое расстояние, мы стянули с себя шлемы и завернулись в два красивых полосатых оранжевых и пурпурных одеяла, которые позаимствовали у гостей у нас каффирских дам, чтобы какой-нибудь случайный бур, который может тут рыскать, не заинтересовался, что это посреди вельда делают двое «хаки». Шагать с винтовками, спрятанными под одеялами, было неудобно, и вдобавок каждые пару минут приходилось оглядываться, чтобы увидеть, нет ли из лагеря сигнала о появлении на горизонте

противника. Сигнал следовало подать, подняв над самой высокой хижинкой шест. Но результат нашей работы был великолепен: мы видели на холме обычный крааль, и ничего более. Вокруг валялись кучи мусора, как это обычно и бывает у краалей, но не было видно ни траншей, ни солдатских голов. Единственный изъян – несколько человек, как мы видели, неосмотрительно расстелили на солнце, по крышам хижин и по вельду, свои коричневые армейские одеяла. Даже для распоследней деревенщины эти квадратные пятна, словно коричневые пластыри, наклеенные вокруг всего крааля, были бы признаком того, что там что-то необычное. Я заторопился назад, чтобы исправить ситуацию прежде, чем будет слишком поздно.

Когда мы покончили с завтраком, где-то часа через три после рассвета, часовой из одной из хижин сообщил об идущем с севера отряде. Нам оставалось только ждать и надеяться: все готово, каждый знает, что делать. Никто не высунет головы и не выстрелит из винтовки, пока я не свистну из своей «рубки» – тогда каждый выскочит и разрядит магазин в противника. Если нас обстреляют, люди в хижинах попрыгают в глубокие траншеи и будут в безопасности. Стоя у себя в «рубке» и разглядывая через бойницы брод, я размышлял об открывающихся возможностях. Если очень повезет, бурские разведчики пройдут мимо нас, и мы сможем затаиться, пока не подойдут главные силы. Чтобы точно оценить, насколько далеко я могу позволить зайти последним, прежде чем открыть огонь, и отметить точное место, в котором это лучше сделать, я спустился в направленные к броду и дороге на юг траншеи, чтобы посмотреть, как всё выглядит на уровне стрелков. К своему безграничному ужасу, я обнаружил, что ни брод, ни дорога с ближнего берега реки, пока она не уйдет далеко к югу от Обережного холма, из траншей не видны! Выпуклость холма всё скрывала – должно быть, это и называется «мертвой зоной»! И так оно и было. То самое место, где лучше всего подловить врага, где ему придется пройти, нами не простреливалось! Максимум, по броду можно было вести огонь из северных бойниц моей «рубки» и еще одной хижинки. Как клял я себя за глупость! Но толку в этом не было. Мы не могли начать рыть новые окопы ниже по склону холма – они бы тут же выдали нашу позицию. Поэтому я настроился выжать из сложившегося положения максимум и, если нас не обнаружат бурские разведчики, открыть огонь по основным силам, когда они скопятся на берегу, ожидая, пока перейдут те, что спереди. Там мы могли их обстрелять, правда, с куда большего расстояния, чем я рассчитывал. Как же повезло, что я вообще обнаружил этот серьезный промах, иначе мы позволили бы основной массе врага перейти брод и заметили бы такую мелочь, как «мертвая зона», когда уже было бы слишком поздно. Я также припомнил (хотя утешало это не особо), что люди и повыше меня совершали подобные ошибки – на учениях я сплошь и рядом видел, как какой-нибудь старший офицер едет вдоль фронта на лошади и с этой высоты назначает позиции для траншей, в которых стрелки потом будут лишь слегка приподниматься над землей. Однако те окопы не ждала проверка реальным боем. Моя же ошибка так легко не пройдет.

Тем временем вражеские разведчики двигались так же, как я уже описывал, но только, пройдя мимо фермы у Инцидентамбы, они не замерли, что-то заподозрив, а разделились на маленькие группы, пересекли реку и с предельной осторожностью осмотрели кустистый берег. Но, не найдя там никаких «хаки», буры, очевидно, не рассчитывали наткнуться на кого-то дальше в открытом вельде и беззаботно двинулись

дальше. Несколько групп объединились в отряд человек из тридцати и ехали вперед, болтая. Направятся ли они осмотреть крааль, или пройдут мимо? Мое сердце бешено колотилось. К несчастью, маленький холм, на котором мы разместились, наверняка их привлечет – это же отличная точка, откуда можно оглядеть округу до горизонта и дать сигнал основным силам на севере. К тому же, крааль – это подходящее место, чтобы спешиться ненадолго и, пока основные силы переправляются, развести, скажем, огонь и сварить немного кофе. Буры, ничего не подозревая, ехали в нашу сторону, смеясь, болтая и курия. Мы не издавали ни звука. Наши голландские и каффирские гости тоже не издавали ни звука, поскольку рядом с их ямами был человек с винтовкой. Наконец, буры остановились на мгновение где-то в 250 метрах к северо-востоку от нас, там, где склон холма был более отлогим, и все они открывались нам. Несколько человек спешилось, другие снова двинулись в нашу сторону. Неблагодарно, да, но это война – и я свистнул.

Около десятка буров сумели ускакать, как и несколько лошадей без всадников; пятеро или шестеро, оказавшиеся на земле, подняли руки и поднялись в наше расположение. На склоне осталась масса брыкающихся лошадей и убитых или раненых и стонущих людей. Другие отряды разведчиков на востоке и на западе тут же отступили к реке, где укрылись, спешились и принялись по нам палить. В любом случае, мы уже чего-то достигли.

Разделавшись с врагом в непосредственной близости, мы открыли огонь по основным силам где-то в 1500 метрах от нас – те тут же остановились и рассредоточились. Мы нанесли им значительный ущерб и вызвали больше смятение – приятно было поглядеть. Бурский командир, должно быть, понял, что берег реки чист, поскольку сделал очень смелый ход – направил все повозки и прочее на максимальной скорости прямо к броду, до которого оставалось метров четыреста и где они оказались защищены от нашего огня. На этой короткой дистанции мы наверняка нанесли бурам тяжелые потери, поскольку по пути им пришлось бросить две повозки. Все это делалось под прикрытием большого числа стрелков, которые немедленно подъехали к берегу, спешились и открыли по нам огонь, и двух пушек и «помпома», которые немедленно были отведены чуть назад и дальше к востоку и западу. Это было лучшее, что буры могли сделать – и, знай они только, что мы не можем обстреливать область к югу от брода, они могли бы немедленно поспешить вперед.

Пока что мы вели в счете, но дальше сложилась патовая ситуация. По нам стреляли с северного берега, из-за термитников и т.п., практически со всех сторон, и вели периодический огонь из обеих пушек. Буры отлично поупражнялись в стрельбе по хижинам, быстро разнеся их на кусочки, но эти позиции уже хорошо нам послужили. Несколько новых белых мешков с песком рассыпались прямо на виду у противника – было очень поучительно посмотреть, какая отличная мишень из них получилась и как часто в них попадали. Должно быть, эти мешки отвлекли множество выстрелов от наших настоящих траншей. Пока буры не обнаружат, что могут продвинуться от брода на юг, не подвергаясь нашему огню, мы их задержим.

Обнаружат ли буры это? Они уже обскакали нас со всех сторон, далеко за пределами дальнбойности, и к этому моменту наверняка уже знают все о нашей изолированности.

После наступления темноты перестрелка свелась к непрекращающимся, но отрывочным выстрелам из винтовок и редким разрывам пушечных снарядов. Под покровом темноты я попытался взять под прицел брод и мертвую зону к югу от него, приказав солдатам встать и стрелять с этого уровня; но к полуночи мне после некоторых потерь пришлось отвести их назад в траншеи, поскольку противник проснулся и больше часа вел по нам яростный винтовочный огонь. В это время орудия занимались какими-то загадочными перестроениями. Сперва по нам жарили с севера, где пушки все это время находились. Затем вдруг нас обстреляли с юго-запада, и какое-то время мы сидели под артогнем с двух сторон. Немного погодя обстрелы с севера прекратились и минут двадцать продолжались только с юго-запада. После этого пушки замолчали, и винтовочный огонь также постепенно сошел на нет.

Когда рассвело, вокруг было не видать ни одной живой души; только убитые люди, лошади и брошенные повозки. Я опасался, что это ловушка, но постепенно пришел к выводу, что буры отступили. Через какое-то время мы обнаружили, что излучина реки также пуста – но буры не отступили. Они обнаружили нашу мертвую зону и под прикрытием поддерживающих друг друга пушек, загнавших нас в траншеи, все пересекли брод и ушли на юг!

Мы не попали в плен, это правда, и понесли очень низкие потери, здорово потрепав противника, но они переправились. Должно быть, бурам очень важно было пройти дальше, иначе они, с их где-то 500 солдатами против наших 50, наверняка задержались бы, чтобы нас прикончить.

Я провалил задание.

Следующие несколько часов мы хоронили погибших, заботились о раненых и наслаждались отдыхом, который давно заслужили, а у меня было полно времени, чтобы поразмышлять на досуге об этой неудаче и ее причинах. Уроками, которые я вынес из схватки, были:

20. Будьте осторожны с выпуклостями холмов и мертвыми зонами. Особенно постарайтесь, чтобы была какая-то область, где противнику придется пройти под вашим огнем. Точную позицию для стрелков выбирайте, глядя оттуда на уровне глаз солдат, которые потом будут ее занимать.

21. Холм, пусть это и «командная высота», может и не оказаться в итоге непременно лучшей позицией.

22. Хорошо заметная ложная позиция может заставить противника без толку растратить боеприпасы и отвлечь вражеский огонь от настоящих укреплений.

Вдобавок к урокам, мои мысли занимал еще один небольшой вопрос. Что скажет полковник, когда узнает о моем провале?

Лежа на спине и глядя в небо, я пытался урвать хотя бы несколько минут сна, пока мы не начали окапываться дальше, готовясь к возможной новой атаке. Но без толку – сон не шел.

Ясный синий небосвод вдруг заволокла туча, из которой постепенно соткалось нахмуренное лицо полковника. «Что?! Хотите сказать, лейтенант Фортот, что буры переправились?» Но на мое счастье, не сказав больше ни слова, лицо начало медленно растворяться, словно Чеширский Кот из «Алисы в Стране Чудес», оставив лишь отвратительную морщину посреди неба. В конце концов исчезла и она, и вся сцена переменялась. Мне приснился новый сон.

СОН ШЕСТОЙ

*«Есть сладостная польза и в несчастье».*¹

И еще раз было мне начертано испробовать свои силы и защитить Дурацкий Брод. В помощь мне на этот раз были мои 22 урока, и в забытии сна я был избавлен от того чувства однообразия, которое к этому моменту, возможно, уже овладело вами, мой «благодарный читатель»².

Выслав дозоры и разместив сторожевой пост на Обережном холме, как уже было описано, я, пока солдаты разбирали наше имущество, старательно обдумывал, какую позицию лучше занять, и поднялся на вершину Обережного холма, чтобы тщательно осмотреть местность. На вершине я обнаружил каффирский крааль, который, как я счел, сможет здорово помочь мне замаскировать наши позиции, если я решу занять холм. К этой мысли я всерьез склонялся. Однако, потратив несколько минут на то, чтобы оценить местный рельеф (для этого я попросил нескольких человек походить туда-сюда внизу, а сам наклонился почти к самой земле), я обнаружил, что выпуклость холма такова, что для того, чтобы видеть и обстреливать брод и южный подход к нему, придется оставить вершину и, соответственно, предоставляемое каффирскими хижинами укрытие и занять позицию немного ниже, на открытом склоне холма. Это, конечно, было вполне осуществимо, особенно, если мы займем еще и позицию на самом холме, возле хижин на восточной и юго-восточной стороне; но поскольку на голом склоне будет невозможно по-настоящему замаскироваться, о том, чтобы застать врага врасплох, чего я очень хотел, придется забыть. Значит, нужно найти другое место, где можно легко и надежно замаскироваться и откуда можно с короткой дистанции обстреливать брод или подходы к нему. Но где взять такое место?

Я стоял, погруженный в раздумья над этой каверзной задачей, и потихоньку в мозгу у меня зашевелилась одна идея, которую я тут же отбросил как нелепую и не стоящую обсуждения. Идея заключалась в том, чтобы расположиться в русле реки и по берегам с обеих сторон от брода! Вообще отказаться от концепции «командной высоты» и вместо того, чтобы искать ближайшую возвышенность – что для изучающего тактику курсанта столь же естественно, как для белки бегом вскакивать на дерево – занять низменность, пусть и плотно прикрытую, а не лежащую среди открытого пространства.

Нет, это была совершеннейшая дерзость, идущая против любых канонов, что я читал или слышал; причуда воспаленного от усталости мозга. Я даже и не подумаю так делать, я решительно ее отброшу. Но чем дольше я доказывал сам себе, как абсурдна эта идея, тем сильнее она мной овладевала. Чем больше я утверждал, что это невозможно, тем больше соблазнов в ней находил, пока все мои старательные возражения не оказались запутаны и задушены в коварных сетях доводов о том, какие преимущества я получу.

¹ У. Шекспир, «Как вам это понравится» (пер. Т. Щепкиной-Куперник), 1599

² Распространенная в литературе 19 века форма обращения автора к читателю, ныне считается старомодной.

Я боролся, сопротивлялся, но в итоге поддался искушениям, принявшим личину доводов рассудка. Я буду обороняться в русле реки.

Я надеялся извлечь из этого следующие преимущества:

1. Отличная маскировка и укрытие от вражеского обзора.
2. Траншеи и укрытия от как винтовочного, так и артиллерийского огня уже практически сделаны природой за нас.
3. Хорошо прикрытые пути сообщения.
4. Противник будет в открытом вельде, везде, кроме как возле самого берега, где мы, заняв позицию первыми, все равно будем иметь преимущество
5. Прямо под рукой обильный источник воды.

Конечно, возле брода валялось несколько мертвых животных, и запах гниения висел над всей излучиной реки, но трупы можно быстро закопать на берегу, и вообще, нельзя же иметь все тридцать три удовольствия.

Поскольку наш сектор обстрела, на севере ограниченный только дальностью винтовок, на юге упирался в Обережный холм, удобную для противника позицию, я решил помимо русла реки занять еще и вершину холма. На это я мог выделить только двух унтер-офицеров и восемь солдат, которые смогут оборонять южный склон холма, в то время как северный мы сможем простреливать с берега.

Отправив этот отряд, я раздал приказы по обустройству позиции, и вскоре работа началась. Где-то через пару часов вернулись дозоры с пленниками, с которыми мы поступили, как и раньше.

Траншеи для гарнизона Обережного холма следовало замаскировать практически так же, как в предыдущем сне, но особое внимание уделить тому, чтобы никто на этой позиции не был открыт для огня со стороны наших главных сил у реки. Я не желал, чтобы огонь основных сил хоть в какой-то степени сковывала боязнь попасть по своим на холме, особенно ночью. А зная, что попасть по ним мы не сможем, мы могли свободно стрелять по всему холму. Мы предполагали, что битва может затянуться, поэтому отряду на холме следовало также выдать двойной запас бутылей с водой и заполнить водой все емкости, найденные в краале.

Общий замысел основной оборонительной позиции состоял в том, чтобы удерживать обе стороны реки, обработав крутые берега и ложбины, сделав из них стрелковые окопы на одного-четырех человек. Они могли защищать солдат со всех сторон, и работы требовалось совсем мало. Поскольку природа уже столько сделала за нас, мы смогли оборудовать гораздо больше позиций, чем было человек у нас в отряде. Через берег мы прорыли пути сообщения, и таким образом солдаты могли перемещаться от одной позиции к другой. Кроме того, что это давало свободу в маневре огнем, мы также могли надеяться таким образом обмануть противника касаясь нашей численности – которую благодаря такой тактике он, вероятно, сильно преувеличит – хотя бы на время.

Карта 7

Окопы для стрельбы в северную и южную стороны почти все располагались так, чтобы позволить солдатам вести огонь по вельду на уровне земли. Позиции располагались среди кустов, мы вырезали ровно столько растительности, сколько требовалось, чтобы можно было видеть все вокруг и при этом не демаскировать окоп. По обе стороны от брода валялись кучи «лишней» земли, выкопанной при прокладке дороги через брод. Они высились на полтора-два метра над общим уровнем земли, и были столь же неровными, как и берега. Эти кучи были достаточно крупными, чтобы оборудовать несколько позиций среди них, получив дополнительное преимущество по высоте. Для некоторых стрелковых ячеек мы оборудовали покрытые бойницы из мешков с песком, но в большинстве случаев

благодаря маскирующим нас кустам в этом не было нужды. Я счел, что необходимо лично проверить каждую бойницу и поправить многочисленные ошибки, допущенные при их устройстве. В некоторых случаях новые чистые мешки с песком оказывались на виду, превращая окопы в белые гробницы для их гарнизона; другие тоже бросались в глаза и выглядели настоящей мишенью, какие-то не были пулестойкими, а иные позволяли стрелять лишь в одном направлении, а то и вовсе или только в землю в нескольких метрах от стрелка, или прямо в сине небо. Исправляя эти недочеты, я размышлял о том, что если оборудованные бойницы не проинспектировать, они могут оказаться ловушкой для самих стрелков.

В плане маскировки, результат оказался потрясающим. Из окопов мы, держа голову на уровне земли, могли ясно видеть вельд впереди нас, или из-под более плотных кустов, или даже сквозь те, что росли в упор к нам. С открытой же стороны мы были практически невидимы, даже с дистанции 300 метров. Мы бы еще сильнее слились с местностью, будь у нас усищи, как у «братьев» – я всегда считал, что эти усы им специально дала мать-природа точно так же, как она дает другим существам средства для мимикрии.

Многочисленные маленькие донга и трещины в земле хорошо подходили для укрытия от фланкирующего огня, и во многих местах вертикальные стенки берегов даже не надо было перекапывать, чтобы они послужили защитой хоть от артиллерии. В других местах над стенками русла нужно было лишь немного поработать лопатой или вырыть себе ступеньку, на которую можно встать.

В одном из самых глубоких оврагов было разбито две палатки – практически невидимые, поскольку находились ниже уровня земли – для женщин и детей. Для них также вырыли небольшие пещерки на случай артобстрела. Наша позиция тянулась метров на 150 вдоль обоих берегов, и по краям, где мы больше всего опасались атаки, были вырыты через берег и сухое русло ямы. Их также как можно старательнее замаскировали. Фланги, разумеется, представляли самую большую опасность, поскольку нас могли попытаться взять приступом оттуда, а не из открытого вельда. Некоторое время я колебался, не следует ли расчистить «сектор обстрела» вдоль берегов – я не хотел выдавать нашу позицию, подозрительно оголив берега по флангам. Наконец, чтобы этого не допустить, я решил расчистить кустарник на как можно большем расстоянии от наших флангов, целиком вырезав то, что росло ниже уровня земли, и также на уровне земли, но оставив достаточную окаемку прямо по краям берегов. Я рассчитывал, что эта окаемка сможет скрывать расчищенные области, пока противник не подойдет достаточно близко. Как я теперь благодарил того, кто снабдил нас инструментами! Пока шли все эти работы, я вымерял шагами расстояние до некоторых точек к северу и югу от нас, и мы отметили их пустыми жестянками, брошенными на муравейники, или другими ориентирами.

К сумеркам мы закончили рытье почти всех окопов и частично расчистили кустарник, спрятали палатки и другое имущество, распределили пайки и боеприпасы, и я раздал приказы на случай атаки. Я не мог находиться во всех местах сразу, поэтому приходилось рассчитывать на то, что отдельным отрядам солдат полностью ясен мой замысел, и они смогут действовать самостоятельно. Чтобы наш шанс поразить противника

залпом в упор не был глупо упущен из-за того, что какой-нибудь слишком усердный или нервный солдат начнет стрелять с большого расстояния, я приказал не открывать огонь как можно дольше, чтобы никто не стрелял, пока стрельба не начнется сама где-то в другом месте (это прозвучало довольно по-ирландски), или пока я не свистну в свисток. Это не касалось того случая, если враг подойдет так близко, что дальнейшее молчание винтовок потеряет смысл. Как только начнется стрельба, каждый начнет палить по всем противникам, вошедшим в зону досягаемости, обозначенную нашими ориентирами. Наконец мы, довольные собой, легли спать у себя в окопах, выставив из каждых восьми человек по собственному часовому.

Следующим утром у нас было часа три, прежде чем с Обережного холма просигналили о появлении противника (условленный сигнал подавался шестом, поднятым над одной из хижин). Имевшееся время мы использовали, чтобы различным образом улучшить наши укрепления. Мы успели расчистить кустарник в сухом русле и на берегах метров на двести от нашей линии обороны, и изящно решили при этом вопрос с сооружением препятствия для противника, с помощью найденной солдатами проволоки сделав на краю расчищенной области своеобразную засеку. За утро я успел дойти до поста на Обережном холме, удостоверился, что все в порядке, и воспользовался случаем, чтобы показать гарнизону холма точные границы наших позиций и разъяснить, что именно мы намерены сделать. Итак, после трех часов работы мы увидели сигнал «Кого-то заметили» и вскоре со своей позиции разглядели клубы пыли далеко на севере. Подразделение, оказавшееся отрядом буров, приближалось так же, как я описывал в предыдущем сне; нам в это время оставалось только сидеть на месте, не выказывая присутствия. Бурские разведчики ехали двойками и тройками, растянувшись по фронту где-то на милю, направляясь к броду посередине. Когда разведчики подъехали ближе, по две или три группы по обе стороны от того отряда, что ехал прямо к броду, поддались естественному импульсу перейти реку в самом удобном месте, и они все собрались в центре. Было ясно, что это самый крупный отряд, какой нам удастся застать врасплох, и на это мы и нацелились. Когда «братья» были метрах в трехстах от нас, они остановились, будто что-то заподозрили. Кто-то из солдат на восточном фланге не выдержал и спустил курок, и воздух разорвал грохот – мы опустошили в буров свои магазины, убив пятерых из передового отряда и двоих из тех групп, что были подальше. Мы продолжали стрелять по разведчикам, скачущим назад к своим, свалив еще двоих, а также по самой колонне, которая была в миле от нас, но все равно представляла собой отличную цель, пока буры не рассредоточились.

Всего лишь несколько мгновений спустя нашу позицию обстреляли из трех пушек, но единственным результатом в итоге было то, что у нас ранило одного человека, хотя неспешный обстрел продолжался до самой темноты. Если быть точным, следует сказать, что обстрелу подверглась река вообще, а по нашей позиции попадали случайно, поскольку снаряды рвались вдоль реки туда-сюда где-то на полмили. Буры явно были в полном недоумении касательно того, где мы и сколько нас, и без толку потратили множество снарядов. Мы заметили множество всадников, перемещавшихся к востоку и западу, далеко за пределами нашей дальности, и заключили, что эти отряды планируют переправиться через реку где-то вдали и исподволь выйти к руслу, вероятно, чтобы ночью подобраться на короткую дистанцию.

Ночью вдоль русла реки происходили небольшие перестрелки, но особо ничего ни на одном из берегов не происходило, хотя мы, разумеется, все время были начеку. И лишь в час ночи настала очередь Обережного холма.

Как я и надеялся, враг не заметил, что мы заняли край, и крупный отряд, карабкающийся по южному склону холма, чтобы там занять хорошую позицию для стрельбы по реке, получил сюрприз в виде залпа в упор от нашего отряда. Ночь была не очень темной, и, как я узнал впоследствии, наши солдаты сумели еще и подняться и обстрелять застигнутых первым залпом врасплох и в панике удирающих с холма бюргеров. Однако, судя по звуку, паника не продлилась долго, поскольку после первого залпа из наших «ли-метфордов» и нескольких последовавших минут бессвязной перестрелки хлопки наших винтовок быстро перемешались с приглушенными хлопками «маузеров», а вскоре мы заметили вспышки на нашей стороне Обережного холма. Так как это не могли быть наши солдаты, стало ясно, что враг старается окружить его защитников. Так как мы заранее отмерили расстояния до холма, то, хотя и не видели цели и стреляли в основном наугад, вскоре покончили с этим предприятием, выпалив по залпу из трех-четырех винтовок по каждой вспышке на склоне. В остальном ночь прошла без особых происшествий.

Под покровом темноты мы воспользовались случаем и коварно устроили на видном месте, на некотором отдалении от наших настоящих окопов, сооружение из новых мешков с песком, которые я удачно обнаружил среди наших запасов. Несколько солдат пошли даже дальше и прикрепили к нему мундир и шлем, будто выглядывающий сверху. Мы откладывали эту уловку, пока нашу позицию не обнаружат, чтобы не выдавать своего присутствия раньше времени, но теперь, когда бой уже начался, она не повредит. Каким удовольствием было наутро наблюдать, как «братья» прилежно дырявят мешки с песком, выбивая из них ручейки пыли.

В течение дня противник полностью оставил простреливаемую из винтовок часть вельда к северу и югу, хотя снайперский огонь вдоль берегов по обе стороны реки не прекращался. Буры переместили пушки, одну разместив на вершине Инцидентамбы, и по одной к востоку и западу, чтобы обстрелять русло реки продольным огнем, но благодаря нашим отличным укрытиям мы обошлись двумя убитыми и тремя ранеными. Я был уверен, что ночью последует атака вдоль берега, поэтому несколько усилил фланги, хоть и рискнув при этом опасно ослабить позицию на севере. Буры меня не разочаровали.

Под прикрытием темноты враг пробрался к области где-то метров из шестисот открытого вельда к северу и вокруг Обережного холма и открыл бешеный огонь, вероятно, чтобы отвлечь наше внимание, пока пушки около часа осыпали нас снарядами. Как только артобстрел прекратился, буры попытались взять нас стремительным броском вдоль русла реки с востока и запада, но благодаря ямам, засекам и тому, что ночь была не очень темна, успеха не добились. Однако дело висело на волоске, и несколькими бурам даже удалось ворваться на наши позиции – но мы закололи их штыками. К счастью, врагу не были известны наши силы, или точнее, наша слабость, иначе они бы проявили

настойчивость и в итоге бы преуспели. Пока что они, вероятно, потеряли 20 или 30 человек убитыми и ранеными.

К утру, учитывая сколько человек из моих исходных 40 выпали из борьбы (Обережный холм я не считал, поскольку их потерь не знал), дело стало приобретать серьезный оборот, и я боялся, что следующей ночью нас раздавят. Отрадно было видеть, что отряд на Обережном холме все еще держит хвосты пистолетами, поскольку они вывесили на шесте красную тряпку. Пусть это и не национальный флаг, а всего-то платок, но он не был белым. День тянулся медленно, тишина перемежалась снайперскими выстрелами и разрывами снарядов, и все мы чувствовали, что противник уже догадался, насколько нас мало, и бережет силы для новой ночной атаки, рассчитывая на нашу усталость. Мы постарались в течение дня, как могли, по очереди урвать немного сна, и я делал все возможное, чтобы приободрить солдат, убеждая их, что подкрепление наверняка уже недалеко. Но все равно, пока тянулись часы, и утро сменилось днем, в будущее мы смотрели мрачно.

Бурские пушки уже два часа не стреляли, и тишина уже становилась раздражающей и загадочной, когда грохот орудий вдаль поднял наш дух на недостижимую высоту. Мы спасены! Пока невозможно понять, чьи это бьют пушки, они могли быть и британскими, и бурскими – но в любом случае, это значило, что где-то рядом наши войска. Лица солдат засветились, долгожданные звуки вдаль сумели моментально прогнать всю нашу усталость.

Чтобы новоприбывшие войска смогли точно определить наше местоположение, я собрал небольшой отряд и приказал выпустить по кустам несколько характерно британских винтовочных залпов, которые ни с чем невозможно спутать. Вскоре после этого мы услышали вдалеке ружейный огонь и увидели облако пыли на северо-востоке. Наши!

Всего мы потеряли 11 человек убитыми и 15 ранеными; но мы удержали брод и таким образом позволили свершиться победе. Я не буду сейчас касаться хорошо известных и далеко идущих последствий того, что мы удержали Дурацкий Брод, и таким образом не позволили бурской колонне с пушками, боеприпасами и свежими войсками в критический момент подойти на помощь к одному из их подразделений, которое подверглось жестокому натиску – тем самым обеспечив победу наших войск. Теперь, конечно, всем известно, что это был поворотный момент всей войны, хотя мы, ее скромные орудия, тогда еще не знали, сколь жизненно важные события зависели от наших действий.

В тот вечер прибывшие нам на помощь войска остановились у брода, и, похоронив погибших, мы какое-то время ходили и рассматривали укрытия бурских снайперов, солдаты собирали себе на память осколки снарядов и стреляные гильзы – которые, правда, вскоре повыкидывали. Мы нашли где-то двадцать пять убитых и частично похороненных буров и сами их похоронили.

В ту ночь мне никуда не надо было идти, и я спокойно отдыхал (в своих собственных бриджах и крапчатом жилете). Дым от «лучшей сигары», что мне поднес полковник, клубился спиралями над головой и постепенно превращался в облака неувядающей славы. Я слышал, как вдали духовой оркестр заводит хорошо знакомую мелодию: «See the Conquering Hero comes»¹ – вот что они играли.

Я почувствовал легкий удар по плечу, и услышал, как мягкий голос произносит: «Поднимитесь, сэр Бэксайт Фортот», но вдруг в одно мгновение мой сон разлетелся на куски, а мягкий голос превратился в хорошо знакомый хрип моего слуги. «Пора укладывать ваши вещи в фургон, сэр. Подъем уже давно скомандовали, сэр».

Я все еще в старом вонючем Дримдорпе.

¹ англ. «Возвращается герой-победитель», хор из оратории «Иуда Маккавей» Г. Генделя.